

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

STANFORD LIBRARIES

HN
525
R33

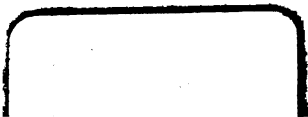
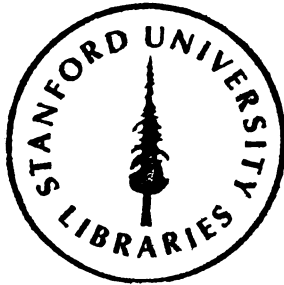
А. К. Бороздинъ.

1448

**Многогосподальная
книга.**

Путешествіе А. Н. Радищева
изъ Петербурга въ Москву.

F02082

Короздин, А. К.

А. К. Бороздинъ.

1448

МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ КНИГА.

Путешествіе А. Н. РАДИЩЕВА

изъ Петербурга въ Москву.

Типографія Т-ва Н. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1906

HIN 25

R33

Передъ нами многострадальная книга: въ 1790 году она была сожжена, авторъ ея, приговоренный къ смерти и помилованный, былъ отправленъ въ Сибирь, въ Илимскій острогъ, «на десятилѣтнее безысходное пребываніе»; въ началѣ XIX вѣка авторъ былъ возвращенъ изъ ссылки и опредѣленъ на службу; но послѣ его смерти сыновья его издали собраніе его сочиненій, въ которое осужденная книга войти не могла. Съ 20-хъ годовъ самое имя автора становится запретнымъ, такъ что о немъ не упоминають въ своихъ обзорахъ русской литературы ни Гречъ ни Бестужевъ-Марлинскій, а въ 1836 году Пушкину была запрещена статья, приготовленная для «Современника», при чемъ министръ народного просвѣщенія, гр. С. С. Уваровъ, написалъ на докладѣ о статьѣ слѣдующее: «Статья сама по себѣ недурна и съ нѣкоторыми измѣненіями могла бы быть пропущена. Между тѣмъ нахожу неудобнымъ и совершенно излишнимъ возобновлять память о писателѣ и о книгѣ, совершенно забытыхъ и достойныхъ забвенія». Только черезъ 21 годъ статья Пушкина впервые появилась въ печати въ собраніи его сочиненій, изданномъ Анненковымъ. Благодаря этому, заговорили объ авторѣ запрещенной книги, а въ 1858 году въ Лондонѣ появилось новое ея изданіе, но сильно искаженное, которое было потомъ перепечатано въ Лейпцигѣ. Въ 1868 году по Высочайшему указу было отмѣнено запрещеніе, наложенное на книгу при Екатеринѣ II, съ тѣмъ, «чтобы новыя изданія сего сочиненія подлежали общимъ прави-

ламъ дѣйствующихъ узаконеній о печати». Однако по этимъ узаконеніямъ оказалось возможнымъ издать книгу прямо въ обезображенномъ состояніи, и когда въ 1872 г. извѣстный библіографъ П. А. Ефремовъ попробовалъ издать книгу цѣликомъ, она была снова сожжена. Затѣмъ въ 1888 году А. С. Суворинъ издалъ гонимое сочиненіе въ 100 экземплярахъ по дорогой цѣнѣ, а въ 1901 году А. Е. Бурцевъ напечаталъ его въ своемъ библіографическомъ описаніи, которое въ продажу не поступало. Въ 1903 году книга была издана г. Бартавовымъ, но цензурой уничтожена, и только въ ноябрѣ 1905 г., послѣ возвышенія свободы слова, она могла появиться на свѣтъ Божій безпрепятственно и безъ всякихъ искаженій подъ редакціей извѣстныхъ изслѣдователей русской старины, П. Е. Щеголева и Н. П. Павлова-Сильванскаго, изъ которыхъ послѣдній далъ доступъ къ рукописи Радищева.

Эта злосчастная книга называется «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», авторъ ея — Александръ Николаевичъ Радищевъ *).

Но почему же «Путешествіе» подвергалось такому упорному гоненію въ теченіе 115 лѣтъ? Если въ книгѣ заключался только протестъ противъ крѣпостного права, то непонятно ея запрещеніе послѣ 19 февраля 1861 г.; если книга была направлена противъ Екатерины и ея приближенныхъ, то и въ этомъ случаѣ не находится мотивовъ къ ея запрещенію черезъ 100 лѣтъ послѣ

*) Издана теперь эта книга съ виѣшной стороны образцово: къ тексту присоединены отличный портретъ Радищева, facsimile заглавія и первыхъ страницъ изданія 1790 г., весьма цѣнные примѣчанія и разночтенія изъ рукописи, хранящейся въ государственномъ архивѣ, и двѣ обстоятельныя вступительныя статьи редакторовъ изданія. Это изданіе, будучи цѣнно и для широкихъ слоевъ публики, особенно важно для ученыхъ специалистовъ. Есть и другія изданія, исключительно воспроизводящія текстъ книги, безъ научныхъ примѣчаній; таково, напр., дешевое изданіе г. Суворина.

смерти императрицы. Такимъ образомъ ясно, что мотивъ запрета былъ другой, и онъ вполне опредѣляется и собственной резолюціей императрицы, которая увидѣла въ сочиненіи Радищева «разсѣваніе заразы французской», и указаніемъ Пушкина, что Радищевъ осмѣлился «вооружиться противъ общаго порядка, противъ самодержавія». Чтобы подтвердить это наше положеніе, остановимся на біографіи Радищева, въ связи съ общественнымъ движеніемъ Екатерининской эпохи, и дадимъ общую характеристику его замѣчательнаго произведенія.

I.

Екатерининская эпоха представляет намъ впервые, одну очень характерную черту въ исторіи новѣйшаго русскаго прогресса, особенность, выражающуюся въ томъ-что правительственная власть беретъ на себя инициативу раскрѣпощенія русскаго общества, высказываетъ живѣйшую заботу о просвѣщеніи и движеніи впередъ, но какъ только въ самомъ обществѣ обнаруживается подобное же стремленіе, власть пугается и круто поворачиваетъ назадъ: первоначальные широкіе планы преобразованій остаются неосуществленными, призывы къ прогрессу и прекрасныя обѣщанія оказываются безплодными словами, а дѣйствительность окрашивается въ самый мрачный цвѣтъ торжествующей реакціи. Однако общество, пойдя по призыву власти на новый путь, уже не можетъ повернуть назадъ и продолжаетъ двигаться въ томъ направленіи, которое принято было имъ ранѣе. Движеніе, можетъ-быть, нѣсколько замедляется, но разъ сказанныя хорошія слова не забываются, и даже изъ нихъ дѣлаются нѣкоторые выводы, весьма существенные для дальнѣйшаго развитія, а главное, новыми идеями захватываются все болѣе и болѣе широкіе круги народа. Подобный процессъ мы наблюдаемъ въ началѣ XIX в., при императорѣ Александрѣ I, потомъ въ «эпоху великихъ реформъ» Александра II, но въ первый разъ мы съ нимъ встрѣчаемся при Екатеринѣ II.

Рѣшившись вскорѣ послѣ вступленія на престолъ созвать знаменитую комиссію для составленія новаго уложенія, написавъ для этой комиссіи «Наказъ», Екатерина

явилась первой пропагандисткой въ Россіи освободительныхъ и просвѣтительныхъ идей современныхъ европейскихъ философовъ и государствовѣдовъ. Приближенные къ ней люди приходили въ ужасъ отъ тѣхъ «аксіомъ, способныхъ потрясти стѣны», которыми былъ переполненъ «Наказъ», и рѣшительно протестовали не только противъ освобожденія крестьянъ, но даже и противъ мѣръ правительства къ улучшенію ихъ положенія. Въ любопытной полемикѣ съ Сумароковымъ Екатерина обнаружила вполнѣ ясное пониманіе крѣпостныхъ отношеній, а въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ она показала современной литературѣ путь борьбы противъ невѣжества и произвола. Но медовые мѣсяцы либерализма не были продолжительны. Уже законодательная комиссія зашла, по мнѣнію императрицы, слишкомъ далеко, а литература не могла удовольствоваться одной «улыбательной» сатирой и заговорила очень рѣзкимъ тономъ. Еще болѣе страху возбудила пугачевщина, и, наконецъ, полная реакція должна была наступить при первыхъ уже вспышкахъ великой французской революціи.

Сперва, по отношенію къ увлекавшимся писателямъ-идеалистамъ, можно было ограничиваться словесными репримандами и легкими внушеніями быть осторожнѣе и умѣреннѣе, но дальше представилось необходимымъ прибѣгнуть къ суровымъ репрессивнымъ мѣрамъ. Надежда на либерализмъ сверху была скоро уничтожена у Фонвизина, у Княжнина... За свои ревностныя заботы о просвѣщеніи жестоко пострадалъ Н. И. Новиковъ. И въ такое-то время глухой реакціи выступилъ со своей книгой Радищевъ,—воспитавшійся подъ обаяніемъ лучшихъ идеаловъ начала царствованія.

Радищевъ—сынъ саратовскаго помѣщика, родился въ 1749 году. Отецъ будущаго писателя былъ человѣкъ хорошо образованный, много читавшій и настолько гуманно относившійся къ крестьянамъ, что они сами за-

щищали его во время пугачевщины. Весьма вѣроятно, что его вліяніе на образованіе убѣжденій сына было вполне благопріятное. Послѣ непродолжительнаго домашняго воспитанія Радищевъ былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ бралъ уроки у лучшихъ тогдашнихъ учителей и профессоровъ недавно открытаго университета. Въ 1762 г. онъ былъ опредѣленъ въ пажескій корпусъ, но пребываніе въ этомъ учебномъ заведеніи не могло ему принести никакой пользы, такъ какъ по отзыву императрицы Екатерины пажи росли невѣждами и шалунами. Черезъ четыре года Радищевъ вмѣстѣ съ 11-ю молодыми дворянами былъ посланъ въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ пробылъ до 1771 года. Несмотря на разныя неблагопріятныя условія заграничной жизни русскихъ молодыхъ людей, Радищевъ вынесъ изъ университетскаго преподаванія довольно обширный запасъ знаній и сумѣлъ себѣ выработать опредѣленное міросозерцаніе въ духѣ господствовавшихъ тогда идей просвѣтительной философіи. Въ этомъ отношеніи сильное вліяніе имѣлъ на него его товарищъ Ѳ. В. Ушаковъ, юноша-идеалистъ, котораго Радищевъ называетъ «вождемъ своей юности». Вмѣстѣ съ этимъ другомъ Радищевъ изучалъ сочиненія материалиста Гельвеція и демократа Мабли, который для него навсегда остался величайшимъ авторитетомъ въ области политическихъ вопросовъ. Въ этому же времени, вѣроятно, относится знакомство Радищева съ сочиненіями Руссо, Монтескье и съ сентиментальнымъ направленіемъ европейской литературы, которое отразилось впоследствии на его собственныхъ произведеніяхъ.

Вернувшись въ 1771 году въ Петербургъ, Радищевъ поступилъ на службу въ сенатъ протоколистомъ, черезъ два года онъ перешелъ на должность оберъ-аудитора при графѣ Брюссѣ; въ 1775 году онъ женился и вышелъ въ отставку, но черезъ 2 года снова поступилъ на службу въ коммерцъ-коллегію, а съ 1780 г. до своей

ссылки въ 1790 г. служилъ въ петербургской таможенѣ сперва помощникомъ управляющаго, а подъ конецъ и управляющимъ. Служба открыла Радищеву поразительный контрастъ между его либеральными теоріями и мрачной дѣйствительностью, и это сильно отразилось на его душевномъ настроеніи. Явилось разочарованіе, которое онъ ярко характеризуетъ, обращаясь къ своему другу, А. М. Бутузову: «Вспомни,—говоритъ онъ,—наше нетерпѣніе видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія нашего, вспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли между Россію отъ Курляндіи отдѣляющую. Если кто, безстрастный, ничего иного въ восторгѣ не видитъ, какъ неумѣренность или иногда дурачество, для того не хочу я мараить бумаги; но если кто, понимая, что есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ такового, и что не могли бы тогда жертвовать и жизнью для пользы отечества, тогъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго. Признаюъ, и ты, мой любезный другъ, въ томъ же признаешься, что послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О, вы, управляющіе умами, колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая пламень, объемлющій сердце юности. Единжды смиривъ юношу, нерѣдко навѣки содѣлаете его калѣкою».

Это разочарованіе отразилось и на литературной дѣятельности Радищева. Она началась подъ вліяніемъ «жара», вынесеннаго изъ заграничныхъ занятій, и первой работой Радищева былъ переводъ книги любимаго его автора, аббата Мабли: «Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастья грековъ». Къ переводу были присоединены нѣкоторыя примѣчанія, обнаруживающія свободолобіе переводчика. Такъ, переводя слово *désotisme* выраженіемъ «самодержавство», Радищевъ объяснял: «Самодержавство есть

наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе... Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашей природныя власти, то дабы она была употребляема въ нашу пользу; о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашей обязанности. Неправосудіе государя даетъ народу—его суди—то же и болѣе надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества». Книга Мабли была издана въ 1773 году; въ два слѣдующіе года Радищевъ много писалъ стиховъ «на нѣжные предметы», но потомъ замолкъ на цѣлыхъ 10 лѣтъ: о «нѣжныхъ предметахъ» писать не приходилось, казалось уже не кстати, такъ какъ окружающая обстановка наводила на очень мрачныя размышленія...

Только въ 1785 году Радищевъ снова принимается за работу подъ вліяніемъ прочитаннаго имъ сочиненія энциклопедиста аббата Рейналя: «*Histoire philosophique et politique des établissements du commerce des européens dans les deux Indes*». Книга увлекла его своимъ паэосомъ, и впоследствии, находясь въ заключеніи, онъ признавалъ ее «началомъ своего бѣдственнаго состоянія». При свѣтѣ возродившихся въ немъ освободительныхъ идей, Радищевъ воспрянулъ духомъ, рѣшился итти на борьбу съ мракомъ невѣжества и безправія. Бороться возможно было только словомъ обличенія, и у Радищева зарождается мысль о новой литературной работѣ. Въ посвященіи своего сочиненія Кутузову онъ изображаетъ свое настроеніе этого времени въ слѣдующихъ словахъ: «Я взглянулъ окрестъ меня, — душа моя страданіями человѣчества уязвлена стала. Обративъ взоры мои во внутренность мою, — я узрѣлъ, что бѣдствія чловѣка происходятъ отъ чловѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Ужели, вѣщаль я самъ себѣ, природа толико

скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истину навѣки? Ужели сія грозная матея произвела насъ для того, чтобы чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сея мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашель утѣшителя въ немъ самомъ. «Отъими завѣсу съ очей природнаго чувствованія — и блаженъ буду». Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергла меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію; и—веселіе неизреченное!— я почувствовалъ, что возможно всякому быть соучастникомъ во благодѣйствіи себѣ подобныхъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорилъ я самъ себѣ, я найду кого-либо, кто намѣреніе мое одобрить, кто ради благой цѣли не опорочитъ неудачное изображеніе мысли, кто состраждетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей, кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ,—не сугубый ли плодъ произойдетъ отъ подъятаго мною труда?»

Подъ вліяніемъ такого настроенія Радищевъ изобразилъ картину продажи съ аукціоннаго торга крѣпостныхъ людей,—очеркъ, составившій въ его книгѣ главу «Мѣдное». Въ очеркъ представлена семья дворовыхъ людей: старикъ 75 лѣтъ, спасшій жизнь отца своего барина, бывшій дядькой «барина и неоднократно спасавшій его самого; старуха 80 лѣтъ, выкормившая мать барина и бывшая его собственной нянькой; женщина 40 лѣтъ, кормилица барина; ея дочь и внучка стариковъ, женщина 18 лѣтъ, насильственно выданная за двороваго человѣка и изнасилованная бариномъ; ея ребенокъ, незаконнорожденный сынъ барина, и, наконецъ, грубый дѣтина 25 лѣтъ, «вѣнчаный ея мужъ, спутникъ и наперникъ своего господина». Эти люди продаются

враздробъ, какъ скоть, и Радищевъ невольно охватывается негодованіемъ. «Едва,—говорить онъ,—ужасоносный молотъ испустилъ тупой свой звукъ, и четверо несчастныхъ узнали свою участь—слезы, рыданіе, стонъ пронзили уши всего собранія. Наитвердѣйшіе были тронуты. Окаменѣлыя сердца! Почто бесплодное соболѣзнованіе? О, квакеры! Если бы мы имѣли вашу душу, мы бы сложились и, купивъ сихъ несчастныхъ, даровали бы имъ свободу. Живъ многія лѣта въ объятіяхъ одинъ другого, несчастные сіи въ поносной продажѣ восчувствуютъ тоску разлуки. Сердце мое столь было стѣснено, что, выскочивъ изъ среды собранія и отдавъ несчастнымъ послѣднюю гривну изъ кошелька, побѣжалъ вонъ. На лѣстницѣ встрѣтился мнѣ одинъ чужестранецъ, мой другъ. «Что тебѣ сдѣлалось? Ты плачешь!»—«Возвратись, сказалъ я ему. Не будь свидѣтелемъ срамного позорища. Ты проклиналъ нѣкогда варварскій обычай продажи черныхъ невольниковъ въ отдаленныхъ селеніяхъ твоего отечества. Возвратись, повторялъ я. Не будь свидѣтелемъ нашего затмѣнія, и да не возвѣстиши стыда нашего твоимъ согражданамъ, бесѣдуя съ ними о нашихъ правахъ». Въ заключеніе очерка, вспомянувъ о томъ, что защитники крѣпостного права ссылаются на неприкосновенность собственности, Радищевъ говоритъ: «А всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ великіе вотчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія». Въ этихъ словахъ обвинительница Радищева, императрица Екатерина, увидѣла впослѣдствіи призывъ къ возстанію крестьянъ противъ помѣщиковъ.

Въ слѣдующемъ (1786) году Радищевъ написалъ еще два очерка изъ своей книги: въ первомъ, разсуждая о цензурѣ и инквизиціи, онъ говорилъ, что въ исторіи «мы вездѣ обрѣтаемъ терзающія черты власти, вездѣ зримъ силу, возстающую на истину», а во вто-

ромъ изобразилъ «начальника», равнодушно относящагося къ гибели людей. Эти первоначальные этюды дали Радищеву идею общей картины отрицательныхъ сторонъ русской жизни, при чемъ образцомъ для него явилось «Сентиментальное путешествие» Стерна. Послѣ двухъ лѣтъ работы было готово знаменитое сочиненіе, и въ 1789 году Радищевъ завелъ свою типографію для печатанія этой книги. Въ этой типографіи онъ прежде всего издалъ небольшую брошюру: «Письмо къ другу, жителюствующему въ Tobольскѣ по долгу званія своего». Описывая въ этой брошюрѣ открытіе памятника Петру Великому и превознося его преобразования, онъ упрекалъ Петра за «истребленіе вольности», хотя и оправдывалъ его тѣмъ соображеніемъ, что «нѣтъ и до скончанія міра примѣра, можетъ-быть, не будетъ, чтобы царь добровольно упустилъ что-либо изъ своей власти, сѣдя на престолѣ». Прочтя эту брошюру, Екатерина замѣтила: «Давно мысль его готовилась ко взятому пути».

22 іюля 1789 года «Путешествіе» было разрѣшено къ печати полицмейстеромъ Никитою Рыльевымъ, а въ январѣ 1790 г. книга вышла въ свѣтъ и скоро привлекла «великое любопытство публики». Хотя разошлось всего около 100 экземпляровъ, но о книгѣ стали «говорить по всему городу», и Радищевъ скоро увидѣлъ, что ему грозитъ опасность, и самъ поспѣшилъ остановить дальнѣйшее распространеніе своего произведенія, отказывая книгопродавцамъ, желавшимъ его купить. Гроза, однако, разразилась только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. 27 іюня состоялся приказъ объ арестѣ Радищева, а 30 іюня онъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Несмотря на всякія оправданія, Радищевъ былъ уже 8 августа приговоренъ къ смертной казни, а 4 октября по именному указу казнь была замѣнена лишеніемъ правъ и ссылкой на 10 лѣтъ въ Сибирь, въ Илимскій острогъ. Обвиненъ былъ Ради-

щевъ въ томъ, что «оказался въ преступленіи противу присяги и должности его и должности подданнаго, изда-ніемъ книги, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народъ негодованіе противу начальниковъ и начальства и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми из-раженіями противу сана и власти царской; учинивъ сверхъ того лживый поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу».

II.

Вникая въ приведенный судебный приговоръ и перечитывая теперь книгу Радищева, легко увидѣть, что протестъ противъ крѣпостного права былъ только второстепенной причиной ея осужденія. На дворянъ книга не могла произвести желаемого впечатлѣнія, какъ это видно изъ ироническаго замѣчанія Екатерины: «Уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ». Еще менѣе возможно было разсчитывать на возбужденіе мятежа среди крестьянъ при помощи книги, и это отлично разъяснилъ самъ Радищевъ: «Если кто скажетъ, что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается. Первое потому, что народъ нашъ книгъ не читаетъ, что писана она слогомъ, для простаго народа певнятымъ, что и напечатано ея очень мало, не цѣлое изданіе, или заводъ, а только половина. И можетъ ли мыслить о семъ, кто общниковъ не имѣетъ?» Однако, если и не было у Радищева памѣренія взбунтовать крестьянъ, слѣдуетъ сказать, что въ его книгѣ было весьма достаточное количество фактовъ, ярко иллюстрирующихъ безобразіе крѣпостныхъ отношеній. Выше мы видѣли картинку продажи крестьянъ съ аукціона, теперь остановимся на другихъ явленіяхъ этого рода.

Вотъ передъ нами образецъ не изверга, но просто весьма хозяйственнаго помѣщика, выжимающаго изъ своихъ крестьянъ все, что только возможно. «Нѣкто, не нашедъ въ службѣ, какъ то по просторѣчю называютъ, счастья, или не желая онаго въ ней снискать, удалился изъ столицы, приобрѣлъ небольшую деревню, на примѣръ, во сто или въ двѣсти душъ, опредѣлилъ себя искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлялъ къ сохѣ, но вознамѣрился найдѣйствительнѣйшимъ образомъ всевозможное сдѣлать употребленіе естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обработыванію земли. Способомъ къ сему надежнѣйшимъ почелъ онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіямъ, ни воли, ни побужденія не имѣющимъ, и уподобилъ ихъ, дѣйствительно, въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудю, устремляющимся на бой грудю, а въ единственности ничего не значущимъ. Для достиженія своей цѣли онъ отнялъ у нихъ малый удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитаніе даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, дворянинъ сей Нѣкто всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя. А дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а по обыкновенію лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя для соблюденія желудка въ мясоѣдъ пустыя щи, а въ посты и въ постные дни хлѣбъ съ квасомъ. Истинныя розговѣны бывали развѣ на Святой недѣлѣ. Таковымъ урядникамъ производилась также отличная и соразмѣрная ихъ состоянію одежда. Обувь для зимы, т.-е. лапти, дѣлали они сами; онучи получали отъ господина своего, а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно,

у таковыхъ узниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отымалъ, но способствовалъ къ тому. Кто и былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда бралъ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ. При такомъ заведеніи неудивительно, что земледѣліе въ деревнѣ г. Нѣкто было въ цвѣтущемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой былъ урожай, у него родился хлѣбъ самъ-четверть; когда у другихъ хорошій былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ-десять и болѣе. Въ недолгомъ времени къ двумъ стамъ душамъ онъ еще купилъ двѣсти жертвъ своему корыстолюбію и, поступая съ ними равно, какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стѣнящихъ на его нивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ уже тысячами и славится какъ знаменитый земледѣлецъ».

Неудивительно, что при такихъ хозяйственныхъ порядкахъ крестьяне часто голодаютъ или питаются хлѣбомъ, который состоитъ «изъ трехъ четвертей мякины и одной части несѣянной муки». Не должно также удивлять и слѣдующее «обозрѣніе утвари крестьянской избы»: «Четыре стѣны, до половины покрытыя такъ, какъ и весь потолокъ, сажою; полъ въ щеляхъ, на вершокъ почти поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ, всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутый пузырь, смеркающійся въ полдень, пропускалъ свѣтъ; горшка два или три (счастливая изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякій день есть пустыя щи); деревянная чашка и кружки, тарелками называемыя; столъ, топоромъ срубленный, который скоблять скребкомъ по праздникамъ. Кормятъ свиней или телятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою

кажется. Бъ счастію, кадка съ квасомъ, на укусъ по-хожимъ, и на дворѣ баня, въ коей, коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природой, онучки съ лаптями для выхода. Вотъ въ чемъ почитается по справедливости источникъ государственнаго избытка, силы и могущества».

Нарисовавъ такую ужасающую картину крестьянской нищеты, Радищевъ невольно обращается съ горькимъ упрекомъ къ дворянамъ: «Звѣри алчные, пьяницы ненасытные! — восклицаетъ онъ. — Что мы крестьянину оставляемъ? То, чего отнять не можемъ, — воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не только даръ земли — хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь. Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъяти у него постепенно. Съ одной стороны почти всесиліе, съ другой — немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судья, исполнитель своего рѣшенія, и по желанію своему истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ. Се жребій заклепаннаго во узы, се жребій за-ключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребій вола въ ярмѣ»...

Разоряя крестьянъ до послѣдней крайности, помѣщики не щадятъ въ нихъ и человѣческихъ чувствъ, не останавливаются ни передъ чѣмъ, оскорбляя ихъ и угнетая; ни одна крестьянская дѣвушка не защищена отъ насильственныхъ покушеній господина на ея честь, и съ барской точки зрѣнія подобныя дѣйствія считаются даже особенной милостью. Горе крестьянину, если въ немъ въ силу какихъ-нибудь обстоятельствъ заговоритъ сознание собственнаго достоинства! Всяческія гоненія обрушиваются за это на его голову, какъ это видно на примѣрѣ рекрута Ванюши, изображеннаго въ главѣ «Городня». Этотъ несчастный юноша росъ вмѣстѣ съ сыномъ своего барина, учился тому же, чему учился барчукъ, порабо-

талъ въ заграничномъ университетѣ и, возвращаясь въ Россію, ждалъ свободы, которую ему обѣщаль старый баринъ. Но старикъ умеръ, а баринъ, сверстникъ Ванюши, не торопился исполнять обѣщаніе своего отца, и отсюда пошли несчастья Ванюши. «Черезъ недѣлю послѣ нашего въ Москву пріѣзда,—разсказываетъ онъ,—бывшій мой господинъ влюбился въ изрядную лицомъ дѣвицу, но которая съ красотой тѣлесной соединяла скареднѣйшую душу и сердце жестокое и суровое. Воспитанная въ надменности своего происхожденія, отличностью почитала только внѣшность, знатность, богатство. Черезъ два мѣсяца она стала супругой моего барина и моею повелительницей. До того времени я не чувствовалъ переменъ и жилъ въ домѣ господина своего, какъ его сотоварищъ. Хотя онъ мнѣ ничего не приказывалъ, но я предупреждалъ его иногда желанія, чувствуя его власть и мою участь. Едва молодая госпожа переступила порогъ дому, въ которомъ она опредѣлялась начальствовать, какъ я почувствовалъ тягость моего жребія. Первый вечеръ по свадьбѣ и слѣдующій день, въ который я ей представленъ былъ супругомъ ея, какъ его сотоварищъ, она занята была обыкновенными заботами новаго супружества; но къ вечеру, когда при довольно многолюдномъ собраніи пришли всѣ къ столу и сѣли за первый ужинъ у новобрачныхъ, и я, по обыкновенію моему, сѣлъ на моемъ мѣстѣ на нижнемъ концѣ, то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу, если онъ хочетъ, чтобъ она сидѣла за столомъ съ гостями, то бы холопей за оный не сажалъ. Онъ, взглянувъ на меня и движимъ уже ею, прислалъ ко мнѣ сказать, чтобы я изъ-за стола вышелъ и ужиналъ бы въ своей горницѣ. Вообразите, koliko чувствительно мнѣ было сіе уничиженіе. Я, скрывъ, однакожъ, изступающія изъ глазъ моихъ слезы, удалился. На другой день не смѣлъ я показаться. Не навѣдываясь обо мнѣ, принесли мнѣ обѣдъ мой и ужинъ. То же было

и въ слѣдующіе дни. Черезъ недѣлю послѣ свадьбы, въ одинъ день, послѣ обѣда, новая госпожа, осматривая домъ и распредѣляя всѣмъ служителямъ должности и жилище, зашла въ мои комнаты. Онѣ для меня уготованы были старымъ моимъ бариномъ. Меня не было дома. Не повторю того, что она говорила, будучи въ оныхъ, мнѣ во посмѣяніе, но, возвратясь домой, мнѣ сказали ея приказъ, что мнѣ отведенъ уголъ въ нижнемъ этажѣ съ холостыми официантами, гдѣ моя постель, сундукъ съ платьемъ и бѣлье мое уже поставлены; все прочее она оставила въ прежнихъ моихъ комнатахъ, въ конхъ помѣстила своихъ дѣвокъ. Что въ душѣ моей происходило, слыша сіе, удобнѣе чувствовать, если кто можетъ, нежели описать. Но дабы не занимать васъ излишнимъ, можетъ-быть, повѣствованіемъ, госпожа моя, вступивъ въ управленіе домомъ и не находя во мнѣ способности къ услугѣ, поверстала меня въ лакеи и надѣла на меня ливрею. Малѣйшее мнимое упущеніе сея должности ввело за собою пощечины, батожье, кошки. О, государь мой, лучше бы мнѣ не родиться! Колико кратъ негодовалъ я на умершаго моего благодѣтеля, что далъ мнѣ душу на чувствованіе. Лучше бы мнѣ было возрасти въ невѣжествѣ, не думавъ никогда, что есмь человѣкъ, всѣмъ другимъ равный. Давно бы, давно бы избавилъ себя ненавистной мнѣ жизни, если бы не удерживало пещеніе Вышняго надъ всѣми Судіи. Я опредѣлилъ себя сносить жребій мой терпѣливо. Я сносилъ не токмо уязвленія тѣлесныя, но и тѣ, коими она уязвляла мою душу. Но едва не преступилъ я своего обѣта и не отъялъ у себя томные остатки плачевнаго житія при случившемся новомъ души уязвленіи. Племянникъ моей барыни, молодець восемнадцати лѣтъ, сержантъ гвардіи, воспитанный во вкусѣ московскихъ щегольковъ, влюбился въ горничную дѣвку своей тетушки и, скоро овладѣвъ неопытною ея горячностью, сдѣлалъ ее матерью. Сколь онъ не рѣшителенъ

былъ въ своихъ любовныхъ дѣлахъ, но при семъ происшествіи нѣсколько смутился. Ибо тетушка его, узнавъ о семъ, запретила входить къ себѣ своей горничной, а племянника побранила слегка. По обыкновенію милосердыхъ господъ, она намѣрилась наказать ту, которую жаловала прежде, — выдала ее за конюха замужъ. Но какъ всѣ они были уже женаты, а беременной для славы дома надобенъ былъ мужъ, то хуже меня изъ всѣхъ служителей не нашла. И о семъ госпожа моя, въ присутствіи своего супруга, мнѣ возвѣстила, яко неотмѣнную милость. Не могъ я болѣе терпѣть поруганія. «Безчеловѣчная женщина, во власти твоей состоитъ меня мучить и уязвлять мое тѣло! Говорите вы, что законы даютъ вамъ надъ нами сіе право. Я и сему мало вѣрю, но то твердо знаю, что вступать въ бракъ никто принужденъ быть не можетъ». Слова мои произвели въ ней звѣрское молчаніе. Обратясь потомъ къ супругу ея: «Неблагодарный сынъ челоуѣколюбиваго родителя, забылъ ты его завѣщаніе, забылъ и свое изреченіе; но не доводи до отчаянія души, твоя благороднѣйшей, страшись!» Болѣе сказать я не могъ, ибо, по повелѣнію госпожи моей, отведенъ былъ на конюшню и сѣченъ нещадно кошками. На другой день едва я могъ встать отъ побоевъ съ постели, и паки приведенъ былъ передъ госпожу мою. «Я тебѣ прощу, — говорила она, — твою вчерашнюю дерзость; женись на моей Маврушкѣ; она тебя просить, и я, любя ее въ самомъ ея преступленіи, хочу это для нея сдѣлать». — «Мой отвѣтъ, сказалъ я ей, вы слышали вчера, другого не имѣю. Присовокуплю только то, что просить на васъ буду начальство въ принужденіи меня къ тому, къ чему не имѣете права.» — «Ну, такъ пора въ солдаты!» вскричала яростно моя госпожа. Потерявшій путешественникъ въ страшной пустынѣ свою стезю меньше обрадуется, сыскавъ опять оную, нежели обрадованъ былъ я, услышавъ сіи слова. «Въ солдаты», повторила она. И на другой день то было

исполнено. Несмысленная! Она думала, что такъ, какъ и поселянамъ, поступленіе въ солдаты есть наказаніе. Мнѣ было то отрада, и какъ скоро мнѣ выбрали лобъ, то я почувствовалъ, что я переродился».

Ванюша радуется военной службѣ, какъ средству избавленія отъ невыносимаго рабства; но бываютъ случаи, когда крестьяне вынуждены искать другихъ путей защиты своего человѣческаго достоинства, когда они прибѣгаютъ къ самосуду надъ своими притѣснителями. Такіе случаи представлены Радищевымъ въ главахъ «Зайцово» и «Едрово»: въ первой мы видимъ жестокую расправу съ семьей нѣкоего ассессора, всячески изводившаго своихъ крестьянъ и оправдывавшаго нѣчто въ родѣ *jus primae noctis*, а во второй изображена попытка крестьянъ казнить помѣщика «добраго и человѣколюбиваго», но крайняго сладострастника, у котораго «мужъ не былъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочери». Подобные примѣры могутъ служить хорошимъ предостереженіемъ рабовладѣльцамъ, и Радищевъ указываетъ на тѣ общія грозныя послѣдствія, которыя могутъ возникнуть изъ тягости крѣпостного права. «Не вѣдаете ли, — говоритъ онъ, — любезные наши сограждане, коликая намъ предстоитъ гибель, въ коликкой мы возвращаемся опасности. Загрубѣлыя всѣ чувства рабовъ, и благимъ свободы мановеніемъ въ движеніе приходящія, тѣмъ укрѣпляютъ и усовершенствуютъ внутреннее чувство. Потокъ, загражденный въ стремленіи своемъ, тѣмъ сильнѣе становится, чѣмъ тверже находитъ противустояніе. Прорвавъ оплотъ единожды, ничто уже въ разлитіи его противиться ему не возможно. Таковы суть братія наши, въ узахъ нами содержимые. Ждутъ случая и часа. Колоколь ударяетъ. И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отраву. Смерть и пожиганіе намъ будутъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе. И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшеніи

ихъ узъ, тѣмъ стремительнѣе они будутъ во мщениі своемъ. Вотъ что предстоитъ намъ, вотъ чего намъ ожидать должно. Гибель возносится горѣ постепенно, и опасность уже вращается надъ главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждетъ часа удобства, и первый льстецъ или любитель челоуѣчества, возникши на пробужденіе несчастныхъ, ускорить его махъ. Блюдитесь!» Грядущая опасность можетъ быть устранена только облегченіемъ участи крестьянъ, находящихся въ рабствѣ, и Радищевъ набрасываетъ проектъ такихъ мѣропріятій, которыя должны привести къ упраздненію крѣпостного права. «Первое положеніе, — говоритъ онъ, — относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе послѣднее уничтожается прежде всего, и запрещается поселянъ и всѣхъ по деревнямъ, въ ревизіи написанныхъ, брать въ дома. Буде помѣщикъ возьметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія своего господина. Запретить брать выводныя деньги. Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ землевладѣльцевъ. Удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемой, должны они имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать. Приобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно. Возстановленіе земледѣльца въ званіе гражданина. Надлежитъ ему судиму быть ему равными, т.-е. въ расправахъ, въ кои выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Дозволить крестьянину приобрѣтать недвижимое имѣніе, т.-е. покупать землю. Дозволить невозбранное приобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда. За симъ слѣдуетъ совершенно уничтоженіе рабства». Въ этомъ проектѣ Радищева пайболѣе существеннымъ является признаніе права собственности крестьянина на обрабаты-

ваемую имъ землю, чѣмъ устранялась возможность безземельнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

III.

Какъ бы радикальны ни были разсужденія Радищева о крестьянскомъ вопросѣ, наиболѣе опасной стороной въ его книгѣ и для императрицы Екатерины и для позднѣйшаго времени должны были представляться разсужденія болѣе общаго характера, касающіяся самыхъ основъ политическаго быта Россіи,—разсужденія, сравнительно съ которыми протестъ противъ крѣпостнаго права былъ лишь незначительной частностью, совершенно утратившею свое практическое значеніе послѣ упраздненія крѣпостничества. Радищевъ возсталъ въ своей книгѣ противъ произвола, проникавшаго всю русскую жизнь; онъ первый выступилъ съ этимъ обличеніемъ; обличеніе было настолько яркимъ и захватывало такъ широко все русскія гражданскія отношенія, что и до нашего времени оно не утратило своего значенія. Въ этомъ-то и крылась причина жестокой кары, обрушившейся на Радищева и на его «Путешествіе».

Частныя проявленія произвола, такъ называемыя злоупотребленія суда и администраціи, обличались и предшественниками и современниками Радищева, и въ этомъ отношеніи онъ далъ въ своей книгѣ не особенно много новаго. Однако нужно сказать, что и въ этихъ бытовыхъ картинкахъ рельефно обнаруживался обличительно-публицистическій талантъ Радищева, и мы считаемъ излишнимъ останавливаться на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ главѣ «Чудово» представленъ начальникъ, который спитъ въ то время, какъ люди гибнутъ на морѣ, а его подчиненные не смѣютъ его разбудить, чтобы подать помощь гибнущимъ. Въ главѣ «Зайцово» Радищевъ знакомитъ

насъ съ порядками суда, въ которомъ царить сословное лицепріятіе, который наполненъ взяточниками и людьми, умѣющими искусно обходить законы. Въ главѣ «Спасская Полисть» дается прекрасная характеристика тѣхъ отношеній, по поводу которыхъ впоследствии одинъ изъ декабристовъ выразился: «Служба замѣнилась прислугою». «Жиль-быль, — рассказываетъ въ этой главѣ, — гдѣ-то государевъ намѣстникъ. Въ молодости своей таскался по чужимъ землямъ, выучился ѣсть устерсы и былъ до нихъ великій охотникъ. Пока деньжонокъ своихъ было мало, то онъ отъ охоты своей воздерживался—ѣдалъ по десятку, и то, когда бывалъ въ Петербургѣ. Какъ скоро полѣзъ въ чины, то и число устерсовъ на столѣ его стало прибавляться. А какъ попалъ въ намѣстники и когда много стало у него денегъ своихъ, много и казенныхъ въ распорядженіи, тогда сталъ онъ къ устерсамъ, какъ брюхатая баба. Спитъ и видитъ, чтобъ устерсы кушать. Какъ пора ихъ приходитъ, то нѣтъ никому покою. Всѣ подчиненные становятся мучениками. Но во что бы то ни стало, а устерсы ѣсть будетъ. Въ правленіе посылаетъ приказъ, чтобы наряженъ былъ немедленно курьеръ, котораго онъ имѣетъ въ Петербургѣ отправить съ важными донесеніями. Всѣ знаютъ, что курьеръ поскачетъ за устерсами, но куда ни вертись, а прогоны выдавай. На казенныя денежки дыръ много. Гонецъ, снабженный подорожной, прогонами, совѣмъ готовъ, въ курткѣ и чикчерахъ явился передъ его высокопревосходительство. «Поспѣшай, мой другъ, — вѣщаетъ ему униженный орденами, — поспѣшай, возьми сей пакетъ, отдай его въ Большой Морской... господину Карзинкину, почтенному лавочнику, въ С.-Петербургѣ; ступай, мой другъ, и какъ скоро получишь, то возвращайся поспѣшно и нimalo гe медли: я тебѣ скажу спасибо не одно». Курьеръ съ невѣроятной быстротой, съѣздивъ за тысячу верстъ, привозитъ устерсы, и намѣстникъ чрезвычайно доволенъ.

«Право, — говорит онъ, — человекъ достойный, исправенъ и не пьяница. Сколько уже лѣтъ по два раза ѣздить въ Петербургъ, а въ Москву сколько разъ — упомянуть не могу. Секретарь, пиши представленіе. За многочисленныя его въ посылкахъ труды и за точнѣйшее оныхъ исправленіе удостоиваю его къ повышенію чиномъ». Въ расходной книгѣ у казначея записано: «По предложенію его высокопревосходительства дано курьеру Н. Н., отправленному въ С.-Петербургъ съ наинужнѣйшимъ донесеніемъ, прогонныхъ денегъ въ оба пути на три лошади изъ экстраординарной суммы». Книга казначейская пошла на ревизію, по устерсамъ не пахнетъ».

Подобное отношеніе къ службѣ и къ закону возможно лишь при самовластіи вельможъ, и Радищевъ раздражается гнѣвной филиппикой противъ этого самовластія. «Блаженны, — восклицаетъ онъ, — въ единовластныхъ правленіяхъ вельможи. Блаженны украшенные чинами и лентами. Вся природа имъ повинуется. Даже неосмысленныя скоты угождаютъ ихъ желаніямъ и, дабы имъ въ путешествіи, зѣвая, не наскучилось, скачутъ они, не жалѣя ни ногъ ни легкаго, и нерѣдко отъ натуги околѣваютъ. Блаженны, повторю я, имѣющіе вѣншность, къ благоговѣнію всѣхъ влекущую. Кто вѣдаетъ изъ трепещущихъ отъ плети, имъ грозящей, что тотъ, во имя коего ему грозятъ, безгласнымъ въ придворной грамматикѣ называется; что ему ни А, ни О во всю жизнь свою сказать не удалось; что онъ одолженъ, и сказать стыдно кому, своимъ возвышеніемъ; что въ душѣ своей онъ скареднѣйшее есть существо; что обманъ, вѣроломство, предательство, блудъ, отравленіе, татство, грабежъ, убійство не больше ему стоятъ, какъ вышить стаканъ воды; что лапты его никогда отъ стыда не краснѣли, развѣ отъ гнѣва или пощечины, что онъ другъ всякаго придворнаго истопника и рабъ едва-едва при дворѣ нѣчто значащаго; но властелинъ и презирающъ невѣдающихъ его

низкости и ползущества. Знатность безъ истиннаго достоинства подобна колдунамъ въ нашихъ деревняхъ. Всѣ крестьяне ихъ почитаютъ и боятся, думая, что они чрезъестественные повелители. Надъ ними сіи обманщики властвуютъ по своей волѣ. А сколь скоро въ толпу, ихъ боготворящую, завернется мало кто грубѣйшаго невѣжества отчуждившійся, то обманъ ихъ обнаруживается, и таковыхъ дальновидцевъ они не терпятъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они творятъ чудеса. Равно берегись и тотъ, кто посмѣетъ обнаружить колдовство вельможъ».

Но откуда же является эта чрезмѣрная сила вельможъ? Какъ созданъ этотъ классъ людей, почти ничего не дѣлающихъ, попирающихъ всякіе законы, живущихъ на счетъ народа? Источникъ ихъ силы—дворъ, и Радищевъ даетъ краткій очеркъ возникновенія этого учрежденія, характеризуетъ переходъ отъ феодальныхъ отношеній къ придворнымъ. Когда были урѣзаны права прежняго дворянства, «на мѣстѣ мужества водворилась надменность и самолюбіе, на мѣстѣ благородства души и щедроты посѣялись раболѣпіе и самонедовѣреніе, истинные скряги на великое». Усилилась до крайнихъ предѣловъ царская власть, и создано придворное сословіе. Произошло это такимъ образомъ: «жительствова среди столь тѣсныхъ душъ и подвижаемые на милости ласкательствомъ наслѣдственныхъ заслугъ и достоинствъ, многіе государи возомнили, что они сути боги, и вся, его же коснутся, блаженно сотворять и пресвѣтло. Тако и быть долженствуетъ въ дѣяніяхъ пашихъ, но токмо на пользу общую. Въ таковой дремотѣ величанія возмечтали цари, что рабы ихъ и прислужники, ежечасно предстоя взорамъ ихъ, заимствуютъ ихъ свѣтозарности; что блескъ царскій, преломляясь, такъ сказать, въ сихъ новыхъ отсвѣткахъ, многочисленнѣе является и съ сильнѣйшимъ отраженіемъ. На таковой блужденія мысли

воздвигли цари придворныхъ истукановъ, кои, истинные театральные божки, повинуются свистку или трещоткѣ.

«Пройдемъ степени придворныхъ чиновъ и съ улыбкой сожалѣнія отвратимъ взоры наши отъ кичащихся служеніемъ своимъ; но возрыдаемъ, видя ихъ предпочитаемыхъ заслугъ. Дворецкій мой, конюшій, и даже конюхъ и кучеръ, поваръ, крайчій, птицеловъ съ подчиненными ему охотниками, горничные, мои прислужники, тотъ, кто меня брѣшетъ, тотъ, кто чешетъ власы главы моей, тотъ, что пыль и грязь отираетъ съ обуви моей, о многихъ другихъ не упоминая, равняются или предсѣдаютъ служащимъ отечеству силами своими душевными и тѣлесными, не щадя ради отечества ни здравія своего ни крови, возлюбляя даже смерть ради славы государства».

Такимъ образомъ люди, полезные отечеству, отличившіея истинными заслугами передъ народомъ, ставятся ниже придворныхъ тунеядцевъ, которыхъ безчисленное множество, вслѣдствіе предрасудка, по которому внѣшній блескъ представляется безусловно необходимымъ для прочности власти. Однако просвѣщеніе должно искоренить этотъ предрасудокъ, такъ какъ на просвѣщенный народъ внѣшность оказываетъ мало вліянія. «Нума могъ, — поясняетъ Радищевъ, — грубыхъ еще римлянъ увѣрить, что нимфа Эгерія наставляла его въ его законоположеніяхъ. Слабые перуанцы охотно вѣрили Манко Копаку, что онъ сынъ солнца, и что законъ его съ небеси истекаетъ. Магометь могъ прельстить скитающихся аравитянъ своими бреднями. Всѣ они употребляли внѣшность; даже Моисей принялъ скрижали заповѣдей на горѣ, среди блеска молній. Но нынѣ, буде кто прельстити восхоцетъ, не блистательная нужна ему внѣшность, но внѣшность доводовъ, если такъ сказать можно, — внѣшность убѣжденій. Кто бы восхотѣлъ нынѣ посланіе свое утвердить свыше, тотъ утвердилъ болѣе наружность полезности, и тою всѣ тронутся.

Мы же, устремляя всё силы наши на пользу всёхъ и каждаго, почто намъ блескъ внѣшности? Но если пышная внѣшность намъ бесполезна, колико вредны въ государствѣ быть могутъ ея оберегатели. Единственной должностью во служеніи своемъ имѣя угожденіе намъ, колико изыскательны они будутъ во всемъ томъ, что намъ нравиться можетъ. Желаніе наше будетъ предупреждено; но не токмо желанію не допустить возродиться въ насъ, но даже и мысли, зане готово уже ей удовлетвореніе. Возрите съ ужасомъ на дѣйствіе таковыхъ угождений. Наитвердѣйшая душа во правителяхъ своихъ позыбнется, приклонитъ ухо ласкательному сладкопѣнію, уснетъ. И се сладостныя чары обыдутъ разумъ и сердце. Горестъ и обида чуждыя едва покажутся намъ преходящими недугами; скорбѣти о нихъ почтемъ или неприличнымъ, или же противнымъ, и воспретимъ даже жаловаться о нихъ. Язвительнѣйшія скорби и раны и самая смерть покажутся намъ необходимыми дѣйствіями теченія вещей и, являясь намъ позади непрозрачныя завѣсы, едва возмогутъ ли въ насъ произвести то мгновенное движеніе, какое производятъ въ насъ театральныя представленія. Зане стрѣла болѣзни и жало зла не въ насъ дрожитъ вонзенное. Се слабая картина всёхъ пагубныхъ слѣдствій пышнаго царей дѣйствія».

Уже изъ приведенныхъ словъ ясно, что Радищевъ встаетъ противъ самодержавной царской власти, что онъ противникъ неограниченной монархіи; но въ этихъ словахъ еще не обнаруживается его симпатія къ народовластію: она проявляется въ подробномъ изложеніи оды «Вольность», которое мы находимъ въ главѣ «Тверь». Прославляя свободу, Радищевъ говоритъ:

О! даръ небесъ благословенный,
Источникъ всёхъ великихъ дѣлъ,
О! вольность, вольность, даръ безцѣнный!
Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.

Исполни сердце твоимъ жаромъ,
Въ немъ сильныхъ мышцъ твоихъ ударомъ
Во свѣтъ рабства тьму претвори,
Да Брутъ и Телль еще проснутся,
Съдѣй во власти, да смятутся
Отъ гласа твоего цари.

Въ дальнѣйшихъ строфахъ оды развиваются извѣстныя идеи XVIII вѣка о свободѣ челоуѣка по природѣ, о договорномъ возникновеніи власти, о значеніи правды и законности, а въ противоположность этимъ идеямъ характеризуется деспотизмъ, поддерживаемый религіозными и политическими предрасудками:

И се чудовище ужасно,
Какъ гидра, сто имѣя главъ,
Умильно и въ слезахъ всечасно,
Но полны челюсти отравъ,
Земныя власти попираетъ,
Главою неба досязаетъ,
Его отчизна тамъ гласить.
Призраки, тьму повсюду свѣтъ,
Обманывать и лстить умѣетъ
И слѣпо вѣрить всѣмъ велить.

Чело надменное вознесши,
Схвативъ желѣзный скипетръ, царь,
На громномъ тронѣ властно сѣвши,
Въ народѣ зрить лишь подлу тварь.
Животъ и смерть въ рукѣ имѣя:
«По волѣ, рекъ, щажу злодѣя,
Я властію могу дарить;
Гдѣ я смѣюсь, тамъ все смѣется;
Нахмурюсь грозно, — все смятется.
Живешь тогда, велю коль жить».

Но пригнетеніе народа должно окончиться, идеаль свободы увлекаетъ всѣхъ угѣсненныхъ, и страшная участь готовится деспоту:

Возникнетъ рать повсюду бранна,
Надежда всѣхъ вооружить;
Въ крови мучителя вѣнчанна
Омыть свой стыдъ ужъ всякъ слѣшить.
Мечъ остръ, я зрю, вездѣ сверкаетъ!
Въ различныхъ видахъ смерть летаетъ
Надъ гордою главою Царя.
Ликуйте, склепанны народы;
Се право мщенное природы
На плаху возвело Царя.
И нощи се завѣсу лживой
Со трескомъ мощно разодравъ,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истуканъ поправъ,
Сковавъ сторучна исполина,
Влечетъ его, какъ гражданина,
Къ престолу, гдѣ народъ возсѣлъ!

Далѣе въ одѣ восхваляется Кромвель, который научилъ людей, «какъ могутъ мстить за себя народы». Въ послѣднихъ строфахъ «содержатся прорицанія о будущемъ жребіи отечества, которое раздѣлится на части, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ оно будетъ пространнѣе. Упругая власть при издыханіи приставитъ стражу къ слову и соберетъ всѣ свои силы, дабы послѣднимъ махомъ раздавить возникающую вольность.

«Но человѣчество возреветъ въ оковахъ и, направляемое надеждою свободы и неистребимымъ природы правомъ, двинется. И власть приведена будетъ въ трепеть. Тогда всѣхъ силъ сложеніе, тогда тяжелая власть

Развѣется въ одно мгновенье.
О! день избраннѣйшій всѣхъ дней!
Мнѣ слышится ужъ гласъ природы,
Начальный гласъ, гласъ божества.

Мрачная твердь позыбнулась, и вольность возсіяла».

Таковъ демократическій идеалъ будущаго, рисуемый Радищевымъ. Конечно, этотъ демократизмъ былъ не къ мѣсту въ концѣ екатерининскаго царствованія; открыто высказывать его оказалось невозможнымъ и впослѣдствіи въ теченіе болѣе, чѣмъ ста лѣтъ. Радищевъ пострадалъ за свою книгу, провелъ въ ссылкѣ нѣсколько лѣтъ. Но идеи никакими ссылками, никакой репрессіей, никакой цензурной инквизиціей не уничтожаются: вернувшись изъ Сибири, Радищевъ былъ сломленъ физически, въ 50 лѣтъ онъ былъ уже старикомъ, но до самой смерти онъ не измѣнилъ своимъ передовымъ взглядамъ, не могъ примириться съ вопіющими не порядками русской жизни, истекающими изъ господства произвола, и писалъ между прочимъ: «То, что существуетъ хотя законно, производитъ иногда нѣкоторый родъ невольнаго въ душѣ отвращенія, и чувствительность терпитъ отъ того, что законъ почитаетъ правильнымъ». Отсюда понятно, почему въ день его кончины его начальникъ, графъ Завадовскій, дружески упрекнулъ его: «Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить попрежнему! Или мало было тебѣ Сибири!» Увидѣвъ въ этихъ словахъ угрозу, Радищевъ, придя со службы домой, отравился. Таковъ конецъ автора знаменитаго «Путешествія». Но ни его имя ни его книга не могли умереть. Его завѣты передались всей русской интеллигенціи, ими вдохновлялись декабристы и Пушкинъ, они привели въ 1861 году къ освобожденію крестьянъ, въ нихъ же было и зерно совершающагося на нашихъ глазахъ раскрѣпошенія всей русской земли.

емый
е къ
зрѣто
ствѣн
дадь
ь. Но
какой
, изъ
лѣтъ
ь не
при-
изни,
жду
роиз-
; от-
; за-
чему
скій,
ичь,
было
Ра-
ко-
нмя
лись
исты
енію
гося
ли.

